

УДК 903.2/7.031.1

Д. В. КожевниковаНовосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: kozhevnikovadarya@yandex.ru

**КОМПЛЕКСНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДЛЯ АНАЛИЗА ДРЕВНЕЙШИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ***

Относительно новое направление археологии, занимающееся изучением музыкального творчества людей каменного века, на своем пути сталкивается с рядом трудностей, касающихся в первую очередь идентификации необычных артефактов в качестве древнейших музыкальных инструментов. Ученые обращаются к данным этнографии, порой ограничиваясь лишь проведением прямых параллелей между культурами древних и современных обществ или используя этнографические данные только в качестве иллюстративного материала, что зачастую приводит к серьезным ошибкам. В статье поднимаются вопросы о целесообразности и степени использования этнографического материала в качестве источника, способствующего реконструкции исторического прошлого человека, а также о перспективах комплексного использования этнографических и археологических данных, становлении синтетического научного направления – этноархеологии. Приняв во внимание все теоретические разработки по данному вопросу, в этой работе мы предприняли попытку реконструировать эволюцию одной из наиболее распространенных групп музыкальных инструментов – аэрофонов, с использованием имеющихся в настоящее время сведений археологии и этнографии. Предложенный подход в сочетании с другими методами исследования позволит в более полной степени выяснить непосредственное назначение подобных артефактов, а также оценить становление и развитие музыкальной традиции в каменном веке. Данные материалы могут быть использованы в образовательном процессе по дисциплинам археологического и этнографического профиля.

Ключевые слова: этнография, археология, взаимодействие, эволюция, музыкальные инструменты, аэрофоны.

В поисках необходимых механизмов для создания полноценной картины исторического прошлого человечества археологи часто обращаются к этнографическим источникам. На различных этапах взаимодействия этих двух исторических дисциплин осуществлялось по-разному. Эволюционисты были первыми, кто стал широко сопоставлять археологические и этнографические данные. Придерживаясь веры в абсолютность универсальных законов и игнорируя местные и этнические различия, они произвольно связывали похожие явления из обеих

сфер, надергивая «примеры» откуда угодно, лишь бы соблюдалась синстадиальность, которая в свою очередь устанавливалась на основе общих соображений с изрядным субъективизмом [Клейн, 1981. С. 144].

В 30–50-е гг. XX в. советские археологи обратились к поиску более корректных механизмов применения этнографических параллелей, тем самым выйдя на новый – этногенетический уровень исследования. И все же на протяжении длительного времени для отечественной археологии было характерно обращение к данным этногра-

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ: соглашение 14.В37.21.0995 «Генезис изобразительных традиций в древнем искусстве Сибири и сопредельных территорий (междисциплинарные исследования археологических материалов)»; НИР 6.2069.2011 «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности по археологии и этнографии Северной Азии в рамках совместного Научно-образовательного центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН».

фии лишь в качестве иллюстративного материала. Основная проблема заключается в том, что выстраиваемые модели поведения современных обществ охотников-собирателей зачастую оказываются слабо адаптированы к археологическим источникам и являются лишь первым шагом на пути создания полноценной археологической реконструкции.

Особый интерес в этом контексте представляет англо-американская археология, которая в 60-е гг. XX в. с целью разработки методологических приемов, обеспечивающих проверку идей и оценку их реальности, обратилась к культурной антропологии и этнологии через «этноархеологию», «археологию действия» и «живую археологию», акцентируя внимание на анализе механизмов археологизации живой культуры. Известный английский археолог Г. Кларк, автор нескольких работ, в которых он сам использует этнографические параллели и теоретически рассматривает перспективы их применения, пишет: «Подобно тому, как геологи, изучающие оледенения эпохи плейстоцена, исследуют существующие в настоящее время ледники, или как палеонтологи изучают ископаемые кости, сравнивая их со скелетом ныне живущих животных, так и археологи должны реконструировать исчезнувшие древние миры, опираясь на изучение существующих обществ» [Clark, 1951. P. 50]. Отношение Г. Кларка к этнографическим параллелям как к источнику новых возможностей в области истолкования данных археологии было в целом положительно воспринято многими ведущими английскими и американскими археологами – от Г. Чайлда до Л. Бинфорда [Кабо, 1979. С. 89]. Вместе с тем Г. Чайлд отмечал, что этнографические параллели, относящиеся к тем же регионам, где расположены археологические памятники, надежнее и перспективнее, чем «экзотические». Этнографические параллели только указывают направление, в котором нужно искать объяснение археологическим фактам, но не предлагают готовых ответов. Ни одно существующее общество не походит совершенно точно на доисторическое, и современные первобытные общества обнаруживают бесконечное разнообразие форм [Childe, 1956. P. 36].

Проблему этнографических аналогий обсуждает в серии работ Л. Бинфорд – один из

представителей американской «новой археологии» [Binford, 1967]. Материалы этнографии, полагает он, могут и должны быть использованы для моделирования социальных и культурных систем первобытности, хотя основой реконструкции должны оставаться сами данные археологии. Он призывает к преодолению ограниченности археологии и этнографии и разработке методов их взаимодействия. И эта тенденция в современной западной науке ныне преобладает.

По утверждению В. С. Кабо, из этнографии должны браться не отдельные факты, сходные с археологически зафиксированными, а тип, система, теоретический концепт – результат обобщения и объяснения весьма разнообразных проявлений одной закономерности или одной структуры в разных условиях. Археологические данные должны вписываться в эту систему, но могут и не совпадать ни с одной из них [1979]. По мнению Л. С. Клейна, именно здесь кроется ключ к реконструкции тех структур прошлого, которым нет прямых подобий в современности. Вычленение отдельных компонентов и ситуаций позволяет распространить эту методику и на изучение культур палеолита. Возможность археолого-этнографических параллелей зависит от реализации внутри этнографических параллелей. Проблема сопоставлений, таким образом, есть не только междисциплинарная, но, в ином аспекте, и собственно этнографическая. Необходимо сказать, что и археолог не вправе выдвигать к сопоставлению отдельный конкретный фрагмент материала. «Сначала нужно включить его в археологическую систему, объединить с сопряженными, обобщить, возвести в типическое, выявить все потенции увязки последнего (так сказать, определить валентность) и лишь затем результат сопоставлять с этнографическими данными» [1981. С. 144].

Приведенный обзор показывает, что на современном этапе развития исторической науки все больше исследователей склоняются к комплексному использованию этнографических и археологических данных. Речь здесь идет не просто о приемах и методах исследования, а о самостоятельной научной теории со своим кругом задач – о теории реконструкции первобытности. Перед нами вырисовываются контуры особого направления научных исследований,

ставящего своей целью взаимодействие археологии и этнографии не только для интерпретации отдельных археологических памятников или для иных ограниченных исследовательских задач, но, прежде всего, для решения фундаментальных проблем истории первобытности.

Несмотря на ряд существующих опасностей, данный подход в сочетании с другими методами исследования (например, трасологический анализ, выявление археологического контекста находок, создание экспериментальных образцов и т. д.) позволит в более полной степени выяснить непосредственное назначение изучаемого археологического материала.

Используя комплекс этнографических данных (на примере музыкальной деятельности народов Сибири и Дальнего Востока, а также представителей некоторых других этносов), мы рассмотрим один из возможных путей развития основных форм духовых музыкальных инструментов, а также способов их изготовления. Параллельно будем включать в эволюционную модель наиболее яркие (с точки зрения изученности) находки, интерпретируемые как музыкальные инструменты верхнего палеолита и неолита.

Все предметы окружающего мира условно можно разделить на инструменты с потенциальными и реальными «фоническими возможностями» и без таковых. Первую группу можно определить понятием «фоноинструменты», так как они, будучи предметами этнической культуры, обладают целесообразными фоническими свойствами [Шейкин, 2002. С. 46]. Такие предметы находятся в одном ряду с органами артикуляции и голосом и являются одним из средств выражения акустических способностей интонационной культуры. Следует иметь в виду то обстоятельство, что фоническая функция звуковых орудий часто не является основной в предметном мире культуры. Хозяйственные и бытовые предметы, вовлеченные в сонорную практику этноса, могут не иметь традиционных названий в культуре, но иногда для их обозначения возникают специальные термины, указывающие именно на инструментальную цель фонации [Там же. С. 6].

Согласно системе Закса – Хорнбостеля, которая в настоящее время является самой логичной и гибкой из всех предложенных

для классификации музыкальных инструментов, фоноинструменты делятся на четыре органофонические группы: идиофоны, аэрофоны, мембранофоны и хордофоны [Грубер, 1965. С. 41].

Идиофоны являются самой многочисленной группой фоноинструментов в Сибири. Источник звука в идиофонах – звучащее тело самого инструмента, на которое воздействуют непосредственным или опосредованным ударом, щипком, трением или воздушным столбом. Идиофоны могут быть изготовлены из дерева, кости, рогов, копыт, камней и металлов. Среди идиофонов можно выделить подтипы: ударяемые, соударяемые, встряхиваемые, фрикционные, щипковые и воздушные. Большое количество простейших идиофонов распространено по всей Сибири, например подвески-погремушки, бубенцы и т. д. Аэрофоны по численности и типовому разнообразию занимают второе место. Источником звука в аэрофонах является вибрация воздуха. Среди аэрофонов большую популярность во всех регионах имеют жужжалки и гуделки. Межрегиональный характер приобрели всевозможные флейты и трубы из травы, бересты, дерева, кости и т. д. Мембранофоны относятся к численно небольшой группе фоноинструментов Сибири. Источником звука в мембранофонах является перепонка-мембрана, которая может быть сутью инструмента и даже его единственной составляющей частью, например погремушки из пленочных органов животных. У хордофонов источником звука служит натянутая струна – это немногочисленная, но весьма значимая группа инструментов [Шейкин, 2002].

В своем исследовании Ю. И. Шейкин для каждой группы фоноинструментов выделяет пять исторических форм интонационно-акустической практики: архаичная, традиционная, легендарная, историческая и современная.

Архаичные фоноинструменты – это часть предметного мира этноса, который называют «звуковые инструменты» или «псевдоинструменты». Их очень сложно обнаружить в культуре. Они «возникают» и «исчезают» только в связи с практической необходимостью в моменты фонации. Между тем архаичные инструменты характеризуются пятью отличительными признаками: обладают одним голосом, характеризуются мобильной структурой и нестабильными

размерами, являются одноразовыми, условно-фоническими, легко изготавливаемы.

Традиционные фоноинструменты – это материальное выражение акустической памяти этноса. Они являются следствием избирательной практики и обычно надолго закрепляются в культуре. Традиционные инструменты могут возникнуть в процессе органофонических поисков этноса, но могут быть заимствованы у других народов. В последнем случае необходимо исследовать степень адаптированности инструмента. Традиционность инструмента позволяют определить пять принципов: специальное название инструмента, хранение инструмента в качестве важного предмета, наличие сведений о нем в различных жанрах фольклора, отношение к обрядовой и ритуальной практике, соответствие технологии и материалов изготовления техническим возможностям этноса.

Легендарные инструменты – это особая сфера фольклорных представлений о звуковых орудиях.

Исторические звуковые или музыкальные инструменты – это органофонические инструменты, найденные археологами, выявленные среди изображений на камнях и отмеченные в исторических хрониках. Такие инструменты часто требуют специальных обоснований их применения в историческом исследовании, для чего могут использоваться знания об архаических, традиционных и легендарных инструментах. Фоноинструменты, найденные археологами в Сибири, немногочисленны: костяные жезлы, которые могут трактоваться как ударяющие стержни, костяные трубочки – «флейты», подвески-погремушки из кости, камня, металлов, колокольчики, бубенчики. Между тем эти инструменты и по внешнему облику, и по своей структуре зачастую мало похожи на этнические аналоги, собранные у народов Сибири в XIX–XX вв. Для идентификации археологических находок необходим специальный компаративный музыковедческий анализ.

Современные инструменты народов Сибири представлены предметами, которые хранятся в культуре и высоко ценятся ее носителями. Инновационные инструменты, пришедшие извне, часто имеют сложную конструкцию, редкий материал и не выполнимую для местной культуры технику изготовления. Такие инструменты иногда вы-

тесняют традиционные и становятся весьма популярными [Шейкин, 2002. С. 47–50].

Рассмотрим одну из картин возможного эволюционного развития фоноинструментов на примере эволюции аэрофонов, предложенную Ю. И. Шейкиным. Эволюция аэрофонов весьма многогранная. Архаичные фоноинструменты представлены несколькими формами свободных аэрофонов: свистящий прут, хлопающий бич, вихревые вертушки (жужжалки), вращаемы пластинки (гуделки) [Там же. С. 91].

Практически у всех народов Сибири и Дальнего Востока распространены такие архаичные аэрофоны, как гуделки и жужжалки, изготавливаемые специально для «фонации», отличающиеся лишь по высоте звучания. Подобные аэрофоны используются как в ритуальных обрядах, так и в качестве простой детской игрушки. Скотоводы Саяно-Алтая используют такие аэрофоны для наилучшего управления большим поголовьем скота. У ненцев подобный инструмент называется «вывко». Он представляет собой маленькую кедровую или сосновую квадратную, прямоугольную или овальную дощечку размером примерно 10 × 4 см, сквозь два отверстия в которой продета прочная нитка (или нитки) из оленьего сухожилия длиной около 25 см, образующая петлю. При скручивании и раскручивании петли, удерживаемой двумя руками, дощечка начинает вращаться, как пропеллер, гудеть и производить своеобразный шум, напоминающий завывание ветра. Поэтому дети называют ее «песней ветра» или «шумом ветра». С помощью «вывко» вызывали сильный ветер, чтобы прогнать комаров, оводов и жару [Неща..., 2004. С. 36]. Здесь следует упомянуть и об австралийской чуринге, представляющей собой овальную пластинку, на которой вырезались орнаменты – полосы, круги, точки и кривые линии. «Размахивая ею над головой с меньшей или большей быстротой, дикарь варьировал характер и силу звучности – от ласкающего шума легкого ветерка до ужасающего завывания и рева» [Грубер, 1965. С. 41]. Чуринги тщательно охранялись, так как они играли первостепенную роль при обрядах посвящения, плодородия и в иных церемониях.

По мнению некоторых исследователей, своеобразным ответвлением от гуделки и жужжалки являются свистящие костяные предметы с полостью и отверстиями на кор-

пусе. К таким предметам относятся чукотский высхыты и тувинская жужжалка из бараньих костяшек. В связи с этим представляется возможным упомянуть и так называемую «куллатинскую флейту», обнаруженную в середине XX в. на неолитической стоянке Куллаты, которая датируется IV тыс. до н. э. Предмет был изготовлен из трубчатой кости крупной птицы. Имел отверстия со всех сторон, расположенные таким образом, что напротив каждого из них находился участок стенки. По мнению А. П. Окладникова, эта находка напоминает простейшие музыкальные инструменты типа свирели или пастушьей дудки, известные в неолите Скандинавии и других стран [1955. С. 90–91]. Конструктивные особенности данной «флейты» дают некоторые основания полагать, что это не что иное, как свободный аэрофон с цилиндрическим корпусом (гуделка). Вполне вероятно, что он использовался в качестве манка [Шейкин, 2002. С. 92].

Большой скачок в становлении традиции тональных (звуковысотных) аэрофонов происходит при структурировании канальных инструментов. Именно в системе трубчатых аэрофонов (так называемых дудочек) происходит переход от сонорной архаики, представленной гуделками, жужжалками, «поющими» стрелами и т. д., к тоновой традиции.

Наиболее простыми аэрофонами являются канальные инструменты из подручных и, зачастую, разовых материалов: стеблей трубчатых растений, дерева, трубчатых фрагментов перьев и костей. Флейтовый (свистковый), язычковый и амбюшурный способы звукоизвлечения, судя по архаичным основам, формировались параллельно [Там же. С. 96]. Относительно использования материалов животного происхождения, то это – явление достаточно редкое, распространенное в основном у народов Севера, где небольшое разнообразие подходящего растительного сырья. Считается, что выбор кости либо пера той или иной птицы в качестве манка зависел от объекта предполагаемой охоты. Однако свистки из перьев, трубчатых костей чайки, лебедя, гуся, из высушенного горла птиц встречаются и у эвенков, эвенков, юкагиров, долган, а на юге Сибири у челканцев и качинцев. Например, у иманских удэ свисток из трубчатой косточки рябчика назывался «сумухи нгаво-

синку» («инструмент, подзывающий рябчика»). В целом, свистки из биологических материалов дольше сохранялись и высоко ценились носителями их культуры [Там же].

Здесь имеется необходимость более детального описания духовых инструментов, принадлежащих не только народам Сибири и Дальнего Востока, но и западной части Евразии, имеющих, несмотря на территориальную отдаленность, много общих черт как в морфологическом плане, так и в технологии изготовления. Широкое распространение получило мнение, что одними из наиболее «примитивных» духовых инструментов являются многоствольные флейты. Такие флейты известны во многих культурах, но в настоящее время наиболее распространенными являются флейты Пана, в большинстве случаев изготовленные из тростника.

Количество трубочек многоствольных флейт (например: кувиклы (рус.), базмапох сринг (арм.), куим-чипсан (коми)) в разных культурах варьируется от 2 до 24 штук, практически всегда нижний конец закрыт либо пробкой, либо естественным растительным узлом. Зачастую трубки даже не скреплены между собой либо скреплены перевязками из травы, лыка или тонкими лучинами. Для получения звуков разной высоты их изготавливают различной длины или опускают на дно камешки. Изготавливаются такие флейты преимущественно из стеблей зонтичных, тростниковых растений, реже – из древесины [Атлас музыкальных инструментов..., 1975].

Археологические данные свидетельствуют о том, что подобные многоствольные флейты были известны уже в неолите. Например, при исследовании неолитического Мариупольского могильника на Украине в могиле было обнаружено несколько орнаментированных трубчатых костей. Археологи выдвинули предположение, что это не что иное, как флейта Пана. В исследовании, посвященном данному могильнику, указывалось, что «у народов, стоящих на низкой ступени хозяйственного и общественного развития, флейты часто не имеют дырочек в стенках» (например, флейты жителей Новой Каледонии, представляющие собой перевязанные трубочки из бамбука) [Макаренко, 1933. С. 43]. Орнаментированные костяные трубочки, аналогичные мариупольским, были обнаружены в ряде погребений китойского времени могильника Циклодром в

Прибайкалье, и не по одной, а целыми группами. Здесь имело место захоронение с трупопожжением, но, несмотря на то, что в результате действия огня первоначальный порядок расположения предметов погребального инвентаря был слегка нарушен, несколько орнаментированных поперечными насечками и углами костяных трубочек, как и в Мариуполе, лежали плотно друг около друга в одном направлении, как бы составляя первоначально один предмет. Вполне возможно, что предмет этот, как и в других аналогичных случаях, был «флейтой Пана» [Окладников, 1950. С. 397]. Подобные изделия обнаружены также на неолитической стоянке Черная Гора на р. Ока, на энеолитическом поселении Гудаберка в Грузии, на памятнике Караль в долине р. Супа (Мезоамерика) [Табарев, 2006. С. 142].

Продольные флейты встречаются в музыкальном инвентаре практически всех культур. Преобладают флейты, сделанные из дерева или стеблей травяных растений. Следует обратить внимание на технику изготовления продольной свистковой флейты без игровых отверстий народов Поволжья – арама-шушпык («живовая свирель») длиной 50–80 см. Выделяется она из куска дерева, расколотого и выдолбленного внутри. Обе половинки складываются и обматываются берестой или веревкой. Перед игрой инструмент погружают в воду, чтобы дерево набухло и щели затянулись. Звуки различной высоты получают путем изменения силы вдвухания и частичного перекрывания пальцем входного отверстия [Атлас музыкальных инструментов..., 1975. С. 36].

Аналогичным способом изготовлены две флейты, выточенные из мамонтового бивня, обнаруженные при раскопках пещеры Холе Фельс (Hohle Fels) на юго-западе Германии в слое, возраст которого составляет от 35 до 44 тыс. л. (наиболее вероятный возраст – около 40 тыс. л.). Исследователи считают, что сначала вырезали заготовку, которую разделяли вдоль на две половинки; в каждой из половинок вытачивали желобок, а затем половинки каким-то образом склеивали [Conard et al., 2009. P. 738].

Следует отметить, что во многих культурах кость как материал для создания музыкальных инструментов была табуирована. И все же в нашем распоряжении имеются некоторые данные, позволяющие рассмот-

реть вопрос о костяных свистковых флейтах. На территории Сибири и Дальнего Востока костяные флейты фиксируются у нанайцев и нивхов.

Их можно условно разделить на две группы: без пальцевых отверстий и с пальцевыми отверстиями. Первая группа, по данным полевых исследований, отмечается в связи с характеристикой манкового инструментария для ловли птиц. Вторая группа в полевых условиях уже давно не фиксируется. Она представлена только в коллекции Музея антропологии и этнографии (Санкт-Петербург).

У нивхов (гиляков) известна продольная открытая флейта из кости – пивс, длиной 8–20 см, с 3–6 и более игровыми отверстиями. Иногда ее делали парной (почти вышла из употребления). Свистковое устройство нивхской флейты (внутренняя щель) позволяет без особого затруднения играть сразу на двух и более стволах. Орнамент отсутствует. Считается, что парные флейты служат средством общения с миром духов у американских индейцев.

У нанайцев этнографами зафиксирована флейта – пиокиан, которую изготавливают из трубчатых птичьих костей и из кости мамонта. У покрытой орнаментом флейты из кости мамонта, один конец которой скошен, звуковых отверстий четыре, пятое – у скошенного конца. Ствол ее, длиной около 12 см, нередко украшался спирально-ленточным орнаментом в его цепочечном варианте, а также был заполнен мелким орнаментом типа шеврон [Благодатов, 1958. С. 202, 206; Иванов, 1963. С. 345–353].

Относительно костяных флейт представителей других этносов следует отметить, что на территории Грузии встречается узносаламури – продольная открытая флейта со слегка заостренной головкой, изготавливаемая как из бузины, абрикосового, тутового дерева, так и из кости крыла черного грифа. Ее длина примерно 30–40 см, с шестью игровыми отверстиями. Ствол часто украшен резьбой и полосками из коры дерева. Узбекская гаджир-най представляет собой продольную открытую флейту из трубчатой кости орла (гаджир – орел), длиной примерно 30 см, с 4 игровыми отверстиями и диатоническим звукорядом. У народов Прибалтики зафиксирована свистковая флейта без игровых отверстий – швилпукас (длиной 5–20 см), иногда изготавливаемая из кости

[Атлас музыкальных инструментов..., 1975. С. 118, 124].

Костяные язычковые флейты зафиксированы также у народов Средней Азии (гошодилли-тюдюк) и Поволжья (нуди). Зачастую подобные инструменты состоят из двух трубочек длиной 15–20 см и имеют 3–4 игровых отверстия. У народов Прибалтики и Карелии, к примеру, простейшие язычковые инструменты часто носят звукоподражательный характер.

Мундштучные духовые музыкальные инструменты с игровыми отверстиями и без них, такие как восточнославянские рог, рожок и труба, изготавливаются способом продольного раскола, о котором речь шла выше, и используются преимущественно пастухами в качестве сигнального инструмента. Материалом для изготовления таких инструментов служат рога животных либо дерево [Атлас музыкальных инструментов..., 1975. С. 30–170].

Как можно видеть, в большинстве случаев аэрофоны изготавливаются из недолговечного органического материала. Случаи применения трубчатых костей в изготовлении музыкальных инструментов единичны, как по причине трудоемкости самого процесса изготовления, так и «табуированности» кости во многих культурах.

Однако археологами был сделан ряд открытий костяных флейт и свистков в раннеориньякских комплексах Евразии (Бельгия, Франция, юго-запад Германии, Австрия), в Забайкалье и в Китае [Лбова, 2000. С. 196; Conard et al., 2009. P. 737; Morley, 2003. P. 12]. Функциональное назначение таких находок было определено не только по морфологическим особенностям. Трасологический анализ, подробное изучение планиграфической ситуации на исследуемых памятниках, изготовление точных копий палеолитических музыкальных инструментов – эти и другие методы исследования позволили почти с полной уверенностью сделать вывод о том, что перед нами древнейшие свидетельства музыкальной деятельности человека современного физического типа. Подобные находки указывают на появление и существование устойчивых музыкальных традиций уже на рубеже 40 тыс. л. н. Можно предполагать, что музыкальные инструменты, которые обнаружены в верхнепалеолитических слоях, являются результатом развития первых, бо-

лее архаичных форм музыкальных инструментов.

В заключение отметим, что от этнографии не следует ожидать простых и однозначных ответов. Чем разнообразнее и многочисленнее этнографические параллели и аналогии, тем больше уверенности в надежности нашей интерпретации археологических фактов. Использование этнографических параллелей раздвигает горизонты археологии, открывает новые возможности для истолкования памятников древности. И не следует забывать о том, что использование этнографических аналогий для интерпретации археологических материалов не предполагает исключения других возможных вариантов. Этнографические и любые иные аналогии должны подвергаться жесткой проверке.

Список литературы

Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М.: Музыка, 1975. 205 с.

Благодатов Г. И. Музыкальные инструменты народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. М., 1958. Т. 18. С. 187–207.

Грубер Р. И. Всеобщая история музыки. М.: Музыка, 1965. Т. 1. 484 с.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) // Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л.: АН СССР, 1963. 494 с.

Кабо В. С. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979. С. 60–107.

Клейн Л. С. Археолого-этнографические сопоставления // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 143–145.

Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.

Макаренко М. Маріупільський могильник. Київ: Вид-во Всеукр. акад. наук, 1933. 151 с.

Неща (лесные ненцы): Традиционное жилище и быт лесных ненцев. Традиционное воспитание детей в семьях лесных ненцев. М.: Комсита М, 2004. 53 с.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование // МИА. М.; Л., 1950. № 18. 411 с.

Окладников А. П. История Якутской АССР. М.; Л.: АН СССР, 1955. Т. 1. 432 с.

Табарев А. В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье: Учеб. пособие. Новосибирск: Сиб. науч. кн., 2006. 244 с.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

Binford L. R. Methodological Considerations of Archaeological Use of Ethnographic Data // Current Anthropology. 1967. Vol. 8. No. 3. P. 59–67.

Childe V. G. Piecing Together the Past. L.: Routledge and Kegan Paul, 1956. 154 p.

Clark J. G. D. Folk Culture and the Study of European Prehistory // Aspects of Archaeology in Great Britain and Beyond. L.: Edwards, 1951. P. 49–65.

Conard N., Malina M., Münzel S. New Flutes Document the Earliest Musical Tradition in Southwestern Germany // Nature. 2009. Vol. 08169. P. 737–740.

Morley I. The Evolutionary Origins and Archaeology of Music // Darwin College Research Report DCRR-002. Cambridge, 2003. 277 p. URL: <http://www.darwin.cam.ac.uk/dcrr/dcrr002.pdf> (дата обращения 23.03.2012).

Материал поступил в редколлегию 19.12.2012

D. V. Kozhevnikova

**INTEGRATED USE OF ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC EVIDENCES
FOR ANALYSIS OF ANCIENT MUSICAL INSTRUMENTS
(MATERIALS FOR THE EDUCATIONAL PROCESS)**

Studying the musical creativity of the Stone Age people is a relatively new direction of archaeology that faces a number of difficulties, primarily related to the identification of unusual artifacts as the oldest musical instruments. First of all, archaeologists use ethnographic data, which is sometimes limited by the comparison between the culture of ancient and modern societies or using ethnographic data as illustrative material which often leads to serious mistakes. The article raises questions about the appropriateness and extent of using ethnographic material as a source, contributing to the reconstruction of the historical past of man as well as the prospects of integrated use of ethnographic and archaeological data and development of a new direction of science – ethnoarchaeology. Considering the theoretical work on the subject, in this paper we have attempted to reconstruct the development of one of the most common groups of musical instruments – aerophones, using the currently available evidences of archeology and ethnography. The proposed approach together with other research methods will allow us to find a direct assignment of such artifacts and to evaluate the music tradition formation and development in the Stone Age. These materials can be used in educational process on disciplines of an archaeological and ethnographic structure.

Keywords: ethnography, archeology, interaction, evolution, musical instruments, aerophones.